

АНКЕТЫ КАК ЧАСТЬ ИСТОЧНИКОВОЙ БАЗЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОГО СТАТУСА БЫВШИХ КРАСНЫХ ПАРТИЗАН ОСЕТИИ (1920-1930-Е гг.)*

С. А. Хубулова

В статье впервые анализируется нетрадиционный вид источников по истории послевоенной повседневности бывших красных партизан Осетии — анкеты. Большое внимание обращено на своеобразие источника, его информационные возможности. С помощью контент-анализа удалось провести социально-демографический анализ отложившегося материала, изучить поведение и результаты деятельности комбатантов в условиях гражданской войны, а также в послевоенный период. Проблема интеграции красных партизан в послевоенное общество, их подчас напряженные взаимоотношения с советской властью во многом связана с их социальным происхождением и их мироощущением. Изучение социального состава партизанского движения в Осетии дало довольно полную информацию о категориях населения, вступивших в ряды сторонников большевиков: красными партизанами становилась определенная часть крестьян, казаков, рабочих и интеллигенции. Послевоенное приспособление героев войны к новой экономической политике, коллективизации происходило тяжело, о чем они указывали в анкетах. Последние позволяют проследить основные тенденции, которые наблюдались в наполнении комбатантами разных социальных ниш, а также карьерный рост или его отсутствие и пр. В еще большей степени, чем другие социальные слои нового общества, красные партизаны реагировали на перегибы в политике большевиков в аграрном и социальном вопросах. Комбатантские рефлексии нередко сопровождалось участием в антиколхозном движении.

Ключевые слова: война, партизан, повседневность, анкета, привилегии, адаптация, социальный лифт

The paper pioneers examination of questionnaires as nonconventional sources on the history of the post-war everyday life of former red partisans of Ossetia. Great attention is paid to the originality of the source, its informational potential. Application of the content analysis allowed conducting a socio-demographic analysis of the deposited material, to study the behavior and activity of combatants during the civil war and in the postwar period. The problem of integration of red partisans into the postwar society, their sometimes stressful relations with the Soviet power was mainly rooted in their social origin and attitude. The study of the social composition of the guerrilla movement in Ossetia gave rather complete information on the categories of the population, joined the ranks of the supporters of the Bolsheviks: a certain part of peasants, Cossacks, workers and intellectuals became red partisans. The postwar adaptation of warheroes to the new economic policy, collectivization was painful, and this was indicated in the questionnaires. The latter allow tracing the main trends in filling by the combatants of different social niches, as well as career growth or lack of it, etc. Red partisans, even more than other social strata of the new society, reacted to the excesses in the policy of the Bolsheviks in the agrarian and social issues. Combatant reflections often resulted in participation in the anti-kolkhoz movement.

Keywords: war, partisans, daily, profile, privileges, adaptation, social lift.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект а/м 16-21-13001.

К началу 1920-х гг. в стране завершилось широкое вооруженное противостояние. Победа большевиков открыла новый этап в истории России. В советском обществе сложилась своеобразная социальная структура, где наряду с рабочими и крестьянами существовали «военспецы», «бывшие люди», бывшие красногвардейцы и красные партизаны. История комбатантов революции не стала предметом самостоятельного изучения, но связывалась с крестьянским движением, национально-освободительной борьбой окраин страны. Однако в последние годы в отечественной историографии сформировалось новое направление — социальная история революции и гражданской войны, которое позволило исследователям вывести из тени те аспекты темы, которые ранее либо рассматривались в общем контексте истории революции, либо молчаливо обходились. В полной мере такая ситуация характерна и для послевоенной жизни и судьбы бывших красных партизан, которые тяжело «врастали» в новую реальность, меняли свои жизненные стратегии, приспособлялись/не приспособлялись к ситуации [1]. Это тем более важно, что красные партизаны, как никакой другой слой тогдашнего социума, рефлексировали на перегибы во внутренней политике государства.

К настоящему времени послевоенная история красных партизан Осетии — сложного, противоречивого политического явления — остается недостаточно изученной, а ряд вопросов нуждается в новом прочтении.

Прежде всего, нужно определиться, что понимается под термином «красные партизаны». В циркулярах, составленных для партизанских комиссий, четко ограничивался круг льготников: «Бывшими красными партизанами признаются:... б) командиры и бойцы, состоявшие в Красной гвардии, если вместе с красногвардейским отрядом влились в Красную армию, где прослужили продолжительное время в период гражданской войны; в) действовавшие в тылу у белых в качестве командиров и бойцов красно-партизанских и красно-зе-

ленных отрядов, участники боевых дружин, которые активно участвовали в восстановлении народного хозяйства; 3. работали над укреплением местной власти Советов» [2, 12]. Следовательно, красные партизаны составляли ударный отряд большевиков в регионе, действовали в тесной связи с Красной армией под неусыпным контролем местных большевиков.

Из каких источников происходило формирование отрядов красных партизан? Например, созданная в Северной Осетии в 1917 г. пробольшевицкая партия «Кермен» обязательным условием членства ставила вхождение в создаваемые ею вооруженные отряды, действовавшие в годы денкинской оккупации как партизанские формирования. В ряды партизан вступали как местные крестьяне, так и горожане — приверженцы партии большевиков, недовольные проводимой белыми карательной и мобилизационной политикой. Возглавляли партизанскую войну члены местных организаций РКП (б) и национальные лидеры. Партизанское движение в Осетии, став движущей силой антиденкинской борьбы в регионе, фактически предопределило победу большевиков в военно-политическом противостоянии в годы гражданской войны.

Какие документальные источники оставили после себя красные партизаны? Интересные материалы отложились в разных фондах ЦГА РСО-А, особенно в фондах комиссии бывших красных партизан: воспоминания, автобиографии, докладные записки, письма и, конечно же, анкеты. Последние заполнялись всеми бывшими партизанами для предоставления в «партизанские» комиссии на предмет получения льгот. Вся изложенная в анкетах информация тщательно проверялась. Если у комиссии возникали сомнения в фактах революционной биографии, человек выбывал из списка красных партизан с лишением всех льгот.

Поскольку текст анкет представляет собой деловые записи, его основной характеристикой является выражение направленности интересов, образа жизни

респондентов, которые и явились предметом нашего исследования. Методология исследования основана на полидисциплинарности, включающей методы археографии, источниковедения, истории. Это дает возможность изучить разные аспекты гражданской войны, что, в свою очередь, позволит создать полную картину процесса военного противостояния в Осетии. Вектор исследования задан работами Ю. А. Полякова, который неоднократно заявлял о необходимости диспергирования исторического процесса для познания его многомерности [3, 4].

Текст анкет представляется своеобразным зеркалом, в котором отражен сам коммуникатор на фоне гражданской войны. Несмотря на небольшой объем, текст выгодно отличается полнотой и информативностью. Анкеты составляют подлинный, уникальный по богатству и сохранности корпус никогда не публиковавшихся источников. Анкеты являются, по заключению исследователя О. М. Морозовой, показательными серийными источниками, поэтому для их анализа одних количественных методов явно недостаточно [4, 53]. В работе использован метод контент-анализа, который, по мнению специалистов, может быть полезен в решении социально-психологических задач в качестве исключительно самостоятельного метода исследования содержания сообщений [5, 55].

Отметим, что количество подвергнутых контент-анализу анкет довольно значительно и составляет 170 единиц, а общее число подобного рода источников превышает 300 единиц. С помощью метода контент-анализа удалось выявить социальные, демографические и иные характеристики комбатантов, «обнаружить типичность и частотность их представлений о смысле их участия» [6] на стороне большевиков.

Методика исследования такого специфического документа, как анкета, предполагает применение методов статистического анализа, использованных в работах Л. И. Бородкина, Н. В. Джакуповой, А. С. Маджарова [7; 8; 9].

Итак, в 1920-е гг. были разработаны специальные анкеты красных партизан, в которых содержалось 8 вопросов. Однако в ходе постоянных «чисток» в среде бывших партизан в 1935 г. вся делопроизводственная документация была унифицирована, и появились анкеты, содержащие 14 вопросов. Эти анкеты были более обстоятельные, некоторые вопросы требовали самой подробной информации от респондента.

Первый вопрос анкеты — о возрасте. Проведенный анализ позволяет определить возраст участников партизанского движения. Даты рождения установлены от 1860 г. (Б. А. Кануков) до 1903 г., т.е. от 60 до 16 лет. Какой жизненный опыт стоял за их плечами? По меркам того времени 35-50-летние мужчины считались пожилыми, имели устоявшиеся жизненные принципы. На революционный путь они вставали не потому, что свято верили в дело большевиков, а скорее потому, что с установлением в Осетии советской власти они надеялись на построение справедливого общественного строя. Даже «белый партизан» Шкуро отмечал революционизацию именно этой части населения региона: «В начале советской власти ей поверили и считали, что она знаменует начало казацко-мужицкого царства».

Возрастная когорта 25-29-летних обладала некоторым военным опытом, т.к. в годы Первой мировой войны прошла фронтовую школу. Именно они и составили костяк партизанского сопротивления в Осетии. По мнению ряда исследователей, именно на эту возрастную когорту повлияла Первая мировая война и те изменения в сознании и поведении разных слоев общества, которые она вызвала. Среди них можно назвать разочарование масс в традиционных устоях, эскалацию ненависти большинства населения к помещикам, капиталистам, такой «психологический механизм эскалации ненависти низов» [10, 269].

Примерно 13% составили совсем юные бойцы, которым в период деникинской оккупации было не более 20 лет. Эти молодые люди оказались охвачены идеями равенства и светлого будущего, подпав под

влияние леворадикальных партий. Им казалось, что советская власть решит все те жизненно важные вопросы, которые тормозили развитие Осетии и негативно отражались на повседневной жизни народа. Ни жизненного опыта, ни опыта политической работы у подавляющего большинства представителей этой когорты не было.

Второй вопрос анкеты — место жительства. Путем случайной выборки удалось установить, что лишь 23% бывших красных партизан до революции проживали в городах, после гражданской войны также являлись горожанами. Примерно 20% прочно обосновались в городах в 1930-х гг., приобрели городские профессии (рабочие, шахтеры, счетоводы, чернорабочие). Остальные же комбатанты не меняли своего жительства и являлись сельскими жителями не в одном поколении.

Следующий вопрос анкеты — партийность. Анализ документов позволяет установить, что подавляющее большинство (65%) бойцов были беспартийными. Примерно 5% вступили в РКП (б) либо накануне Октябрьской революции, либо в ее ходе. Причем часть партийцев была принята в члены партии за пределами Осетии (либо вступили в большевистскую организацию в армии или в больших городах, где работали на момент революции). Остальные же пришли в партию уже в 1918 г.

Важную информацию дает следующий вопрос анкеты — социальное происхождение. На этот вопрос респонденты отвечали по-разному: одни немногословно, другие эмоционально: «до 1917 г. маломощный крестьянин», «происходил из крестьян середняков. Все время работал в крестьянском хозяйстве», «основная профессия бедняк-хлебороб». Так, М. Басаев в своей анкете писал: «...я родился в бедной крестьянской семье в горах Хидикусского прихода. Когда мне исполнилось 10 лет, меня отдали в сельскую школу, где я проучился три года. Я бросил свою учебу, т.к. моему отцу надо было помогать. Меня отдали батрачить пастухом...»; К. Гадзаов делился воспоминаниями о своих тяжелых годах: «Родители — крестьяне-бедняки. Остался сиротой в

три года. Мать определила меня в 9-летнем возрасте в школу, но в школе меня презирали как временнопроживающего и выгнали в конце первого же года. Оставалось только одно — идти в батраки...»

Следующий пункт анкеты — социальное положение — вызывает особый интерес исследователей, т.к. дает возможность определить социальную нишу, занятую в обществе красными партизанами после завершения войны. Так, С. Такоев прошел путь от заместителя председателя Терского ревкома до заместителя заведующего отделом национальностей ВЦИК; К. Бутаев — от заведующего агитационно-пропагандистским отделом Горского комитета РКП (б) до заместителя директора Всесоюзной плановой академии. На руководящих партийных постах находилось примерно 15% бывших красных партизан, часть комбатантов — примерно 20% — делала карьеру на советской и общественной работе. Это управленцы низшего звена, сотрудники правоохранительных органов, профсоюзов и т.п. Таким образом, примерно для трети бывших красных партизан можно констатировать восходящий карьерный рост.

Но значительная часть партизан так и осталась в тени, не имея поддержки, необходимого образования и знаний для того, чтобы воспользоваться социальным лифтом. Так, в своем письме на имя бывшего командира Д. Тогоева красный партизан Б. Гобеев, описывая свою московскую поездку для поступления в вуз, отметил: «Поехал в Москву учиться, но устроился на работу, т.к. был совершенно малограмотный, через чего я и не устроился на учебу» [11, 12].

Социальное происхождение красных партизан во многом предопределило их мироощущение и политические настроения в условиях приспособления к мирному времени. Будучи по происхождению крестьянами, даже оставив сельский труд, они чутко реагировали на перестройку села, не одобряли те мероприятия, которые осуществлялись в отношении хлеборобов. А в условиях насильственной коллективизации, пробуксовки многих декларативных обещаний бывшие красные партизаны от-

крыто выражали свое несогласие со многими партийными решениями и стали представлять угрозу для режима. Например, в колхозе «Ханаз» два бывших партизана — Дзотов Тазе и Хутяев Тотурбек — агитировали сельчан против выработки трудодней, подписки на займы и пр.: «Дзотов Т. занимается двурушничеством, не имеет в колхозе ни одного трудодня, агитирует массы, этим мешает поднятию колхозного строительства, не дал в колхоз ни одного зерна...» [12, 217]

Интересовало власть и семейное положение комбатантов (пункт б). Как правило, в большинстве комбатанты были семейными, но примерно 5% не обзавелось семьей. В селах Осетии даже в 1930-е гг. сохранялись многочисленные семьи (7-9 членов). Изучая возраст домочадцев в таких семьях, можно сказать, что нередко у взрослого главы семьи (комбатанта) были малолетние дети, которые еще не могли разделить с отцом заботы о доме. Поэтому единственным добытчиком оставался глава семьи. Городские семьи были меньше, однако и здесь сохранялась проблема иждивенчества. Кроме того, во многих анкетах респонденты указывают, что некоторое время числятся безработными, получая лишь небольшую помощь от государства.

В пункте 7 следовало охарактеризовать свое материальное положение. Многие партизаны писали: «нет ничего движимого и недвижимого», «неимущий», лишь изредка попадались те, у кого были «дом деревянный об одной комнате и об одной кухне» (при этом в семье 6 взрослых членов), «недвижимого нет, есть домашняя обстановка». По всей видимости, данная графа преследовала две цели: во-первых, при оказании материальной помощи требовалась информация о реальном положении дел у данного красного партизана, с другой стороны, некоторые комбатанты постепенно «обрастали» недвижимостью, богатели, что, по мнению властей, мешало их классовому революционному сознанию. Так, на одном из заседаний Северо-Осетинской партизанской комиссии рассматривался вопрос об исключении из списков

красных партизан Д. Цагаева, который в местности Хусфарак имел «собственное землевладение, и хозяйство его имело все признаки кулацкого хозяйства» [13, 5]. Среди бывших партизан были и такие, кто подвергся раскулачиванию и включился в антиколхозное движение. В конце 1920-х гг. руководство края впервые заговорило о «нехороших» красных партизанах, которые дискредитировали себя, став кулаками и поддерживая зажиточную верхушку села.

В следующих пунктах анкеты респондент должен был подробным образом описать свое участие в гражданской войне. На наш взгляд, это наиболее важные сведения, которые могли открыть дорогу к социалистическим благам либо сделать человека изгоем общества.

Пункт 8 гласил «В каких частях сражался и какую работу выполнял». Как правило, все респонденты подчеркивали, что добровольно поступили на военную службу: «содня организации в городе Владикавказе», «кавалеристом при Молоканском комиссариате», «служил в 1-м Владикавказском полку, участвовал во всех боях». Подробная информация о славном боевом пути была важна для бывшего партизана, от этих сведений зависело в конечном счете благополучие семьи комбатанта. Поэтому данный пункт, как правило, был самым объемным и многословным. Такая развернутая характеристика своей деятельности в период борьбы с Деникиным диктовалась прямым указанием высших государственных органов о включении/невключении в списки красных партизан. В частности подчеркивалось: «не могут признаваться бывшими красными партизанами те лица, которые хотя и оказывали некоторое содействие красно-партизанским отрядам (предоставление квартир для явок подпольных организаций, доставлявшие сведения красным, помощь в продовольствии и проч.), но сами непосредственного участия в красно-партизанских отрядах не принимали и при отступлении оставались на территории белых, хотя бы без оказания им какой-либо помощи, но и против них не выступавшие» [14, 6].

Каждый респондент стремился как можно подробнее описать свой вклад в дело победы над белыми: «в 1918 г. служил красногвардейцем в 3-й роте, с октября перешел на бронепоезд рядовым, в Красную гвардию вступил в помещении рабфака в марте 1918 г.», «в 1917 г. работал в рядах красных партизанских отрядов, организованных на территории Юго-Осетии, которые боролись против грузинских меньшевиков. Выполнял роль рядового партизана», «вступил во Владикавказский отряд Саши Гегечкори, участвовал во всех боях». Д. Д. Такоев, лишенный избирательных прав, отмечал в заявлении свои «революционные подвиги»: «Во время наступления генерала Шкуро на Христианское (так в тексте. — С. Х.) село, кто сражался среди улицы в полдень с товарищем Дзотдоевым Даниилом, не моим ли выстрелом около моих ворот был убит офицер белогвардеец? Я конокрадом и спекулянтom никогда не был, и не буду заниматься такими грязными делами никогда. Активнейшее участие принимал во всех собраниях в пользу Советской Власти, помогая в лес доставкой провизии и т.д. керменистам нашего селения» [15, 113].

Случалось и так, что недобросовестных респондентов, «лже-партизан» изобличали во время очередной «чистки». В фонде 44 «Северо-Осетинская комиссия по оказанию помощи бывшим красным партизанам» отложилось немало заявлений от земляков таких «партизан». Например, возмущенные жители с. Христиановского писали в комиссию о своих земляках, оказавшихся в списках: «Тогузов не может быть партизаном, ибо партизан не бывает простым болтуном, он должен быть или бойцом, или подпольным работником, а он не был ни тем, ни другим. Во время наступления Шкуро отсиживался в подвале вместе с женщинами...» Не менее уничижительной критике подвергся и другой псевдо-партизан, житель с. Урсдон Х. Х., который «был конокрадом, в колхозе работал разлагательством (так в тексте. — С. Х.), но говорит я — красный партизан и могу делать все...» [16, 2]

Интересовал власть и вопрос о пребывании в плену (пункт 9). Это был самый щекотливый вопрос, который мог разрушить образ преданного партизана и лишить его всех льгот и даже политических прав. Нужно было описать свое пребывание в плену со всеми подробностями, свидетельствами и пр. По большей части красногвардейцы и красные партизаны оказывались в плену грузинского правительства, перебираясь по Военно-Грузинской дороге из Терской области, оккупированной деникинскими войсками. Современник вспоминал: «Границу Грузии мы перешли числа 15-16 мая у сел. Геби, а другая часть отряда перешла границу у с. Чори. В Грузии нас разоружили и отправили в Кутаиси. Здесь мы очень голодали, давали нам стакан лоби на день каждому...» Некоторые партизаны, перейдя границу Терской области, оказывались в тифозном бреду, проведя несколько месяцев в крайне тяжелом физическом состоянии.

Больше везло тем, кто имел подтверждение их деятельности в тылу со стороны видных большевиков: «Пытался бежать в горную Дигорию, — писал известный писатель и бывший красный партизан С. Косирати, — но попал в плен и насильно был мобилизован в белую армию, где вел подпольную работу, агитировал за развал белой армии. Бежал в Осетию одним из первых из осетинской группы. По прибытии принял активное участие в качестве рядового бойца в походе на Кабарду под командой тов. Тогоева» [17, 4].

Еще большее недоверие вызывали те красные партизаны, которые по воле судьбы оказывались хотя бы на время на территории белых и не могли представить свидетельства своей активной борьбы: «В бытность мою в плену у белых мною комиссии были представлены соответствующие документы, говорящие, какую роль я выполнял при белых, но комиссия на это, видимо, не обратила никакого внимания». Не обратила внимания комиссия и на документы Г. Валиева, который представил свидетельства соратников о своей подпольной работе в оккупированном белыми Владикавказе

в 1919 г. Ему было отказано, как и многим десяткам партизан, причина — «...что я несколько месяцев скрывался на территории белых». Большим потрясением для партизана, чьи заслуги ставились под сомнение, становилось лишение избирательных прав и книжки красного партизана.

Отдельно в анкете стоял вопрос: «На какие средства живете в настоящее время» (пункт 11). В своих анкетах люди отмечали: «неимущие», «нуждаемся в сложении налогов», «в материальной помощи», «в постоянной работе», «в пенсии и льготах».

Позже в анкетах появился вопрос: «Какими льготами пользуетесь» (пункт 12). В многочисленных циркулярах указывалось на необходимость предоставления льгот бывшим партизанам: при обращении за медицинской помощью, за проезд, право получения товаров в магазинах кооперации и ГОРТа наравне с рабочими, удовлетворение «жилплощадью наравне с промышленными рабочими, преимущественное право бесплатного помещения детей в детсады и детсады» [18, 15]. Однако изучение этого пункта во всех 170 анкетах дает неожиданный результат: 70% респондентов заявляют об отсутствии у них льгот.

Последний вопрос (пункт 13): «Кто может подтвердить действительность нахождения в партизанских частях». Во всех анкетах и автобиографиях писавшие старались в самом выгодном свете представить свою деятельность, подкрепив для верности свидетельствами и рекомендациями

известных большевиков. Красные партизаны, дававшие рекомендацию своему боевому товарищу, должны были указать, что сослуживец проявлял себя «активным борцом против деникинцев/грузинских меньшевиков», не забывали назвать должность, военные операции, в которых он себя проявил. При этом рекомендуемые ставились в известность, что за неправильную информацию их ожидает уголовное наказание по ст. 96 УК РСФСР. Однако некоторых «деляг» это не останавливало. Например, в июне 1934 г. в Северо-Осетинской партизанской комиссии рассматривалось персональное дело бывшего партизана Смирнова, который в мирной жизни не обременял себя работой, жил на средства жены, занимался мелкими делишками, «налево и направо выдавал поручительства за литр водки...» [19, 81]

Итак, проведенный анализ отложившегося материала позволяет заключить, что мирная жизнь для большинства бывших красных партизан не стала такой же счастливой и радостной, как это обещали большевики. Значительная часть комбатантов, при декларированных льготах и преимуществах, не получала их и оставалась нередко на грани выживания. Но были и такие комбатанты, которые сделали неплохую карьеру и были отмечены властью. При всем этом объединяет такие разные по социальному положению общественные группы военное братство и неформальные отношения внутри партизанского братства.

1. Хубулова С. А. Деятельность комиссии по оказанию помощи бывшим красным партизанам Осетии. 1920-1930-е гг.: Сборник документов и материалов. Владикавказ, 2016.
2. Центральный государственный архив РСФСР-А (ЦГА РСФСР-А). ФР. 60. Оп. 1. Д. 321.
3. Поляков Ю. А. Как отразить многомерность истории // Новая и новейшая история. 2003. № 4. С. 2-15.
4. Морозова О. М. Антропология гражданской войны. Ростов н/Д, 2012.
5. Горелова Г. Г., Попкова Т. А., Степанов В. А. Контент-анализ мемуаров уральского чиновника К. Н. Теплоухова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Психология. 2013. № 3. Т. 6. С. 53-59.

6. Пантин И. К., Плимак Е. Г., Хорос В. Г. Революционная традиция в России. М., 1986.
7. Бородкин Л. И. Контент-анализ и проблема изучения исторических источников. // Математика в изучении средневековых повествовательных источников. М., 1986. С. 34-45.
8. Джакупова Н. В. Мемуары народников как источник для изучения социальной психологии революционеров: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1986.
9. Маджаров А. С. К вопросу о применении контент-анализа к источникам личного происхождения // Источниковедение и историография истории Восточной Сибири. Иркутск, 1982. С. 27-33.
10. Поршнева О. С. Образ гражданской войны в сознании ее участников и современников (по материалам стихотворных публикаций периодической печати Урала 1917-1919 гг.) // Известия Уральского федерального университета. 2012. № 3. С. 268-273
11. ЦГА РСО-А. ФР. 44. Оп. 1. Д. 1092а.
12. Репрессивная политика Советской власти в Северной Осетии. 1920-1930-е гг.: Сборник документов и материалов/Сост. А. Т. Царикаев. Владикавказ, 2009.
13. ЦГА РСО-А. ФР. 60. Оп. 1. Д. 429.
14. ЦГА РСО-А. ФР. 60. Оп. 1. Д. 417.
15. ЦГА РСО-А. ФР. 56. Оп. 2. Д. 137.
16. ЦГА РСО-А. ФР. 44. Оп. 1. Д. 1073
17. ЦГА РСО-А. ФР. 44. Оп. 1. Д. 1071.
18. ЦГА РСО-А. ФР. 60. Оп. 1. Д. 295.
19. ЦГА РСО-А. ФР. 60. Оп. 1. Д. 452.